

Свадьба. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

Свадьба. Антон Павлович Чехов

Шафер в цилиндре и в белых перчатках, запыхавшись, сбрасывает в передней пальто и с таким выражением, как будто хочет сообщить что-то страшное, вбегает в зал.

– Жених уже в церкви! – объявляет он, тяжело переводя дух.

Наступает тишина. Всем вдруг становится грустно.

Отец невесты, отставной подполковник, с тощим, испытанным лицом, чувствуя, вероятно, что его куцая военная фигурка в рейтузах недостаточно торжественна, солидно надувает щеки и выпрямляется. Он берет со столика образ. Его жена, маленькая старушка в тюлевом чепце с широкими лентами, берет хлеб-соль и становится рядом с ним. Начинается благословение.

Невеста Любочка бесшумно, как тень, опускается перед отцом на колени, и ее фата волнуется при этом и цепляется за цветы, разбросанные по платью, и из прически выбивается несколько шпилек. Поклонившись образу и поцеловавшись с отцом, который еще сильнее надувает щеки, Любочка опускается перед матерью; фата ее опять цепляется, и две барышни, взволнованные, подбегают к ней, обдергивают, поправляют, прикалывают булавками...

Тишина, все молчат, не шевелятся; только одни шафера, как горячие пристяжные, нетерпеливо переминаются с ноги на ногу, точно ждут, когда им позволено будет сорваться с места.

– Кто повезет образ? – слышится тревожный шёпот. – Спира, где ты? Спира!

– Цичас! – отвечает из передней детский голос.

– Бог с вами, Дарья Даниловна! – кто-то вполголоса утешает старуху, которая припала к дочери лицом и всхлипывает. – Да разве можно плакать, Христос с вами? Надо радоваться, душенька, а не плакать.

Благословение кончается. Любочка, бледная, такая торжественная, строгая на вид, целуется со своими подругами, и после этого все с шумом, толкая друг друга, устремляются в переднюю. Шафера с тревожной спешкой, крича без всякой надобности «радон!», одевают невесту.

– Любочка, дай я на тебя хоть еще разочек посмотрю! – стонет старуха.

– Ах, Дарья Даниловна! – вздыхает кто-то укоризненно. – Радоваться надо, а вы это бог знает что выдумали...

– Спира! Да где же ты? Спира! Наказание с этим мальчишкой! Иди вперед!

– Цичас!

Один из шаферов берет шлейф невесты, и процессия начинает спускаться вниз. На перилах лестницы и на косяках всех дверей виснут чужие горничные и няньки; они пожирают глазами невесту, слышится их одобрительное жужжанье. В задних рядах раздаются тревожные голоса: кто-то что-то забыл, у кого-то невестин букет; дамы взвизгивают, умоляя не делать чего-то, потому что «примета есть».

У подъезда уже давно ждут карета и коляска. На лошадиных гривах бумажные цветы, и у всех кучеров руки перевязаны около плеч цветными платками. На козлах кареты сидит чудо-богатырь с широкой окладистой бородой, в новом кафтане. Его протянутые вперед руки с сжатыми кулаками, откинута назад голова, необычайно широкие плечи придают ему не человеческий, не живой вид; весь он точно окаменел...

– Тпррр! – говорит он тонким голосом и тотчас же добавляет густым басом: – Шалишь! (отчего и кажется, что в его широкой шее два горла.) Тпррр! Шалишь!

Улица по обе стороны запружена публикой.

Свадьба. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

– Пода-ай! – кричат шафера, хотя подавать нечего, так как карета давно уже подана. Спира с образом, невеста и две подружки садятся в карету. Дверца хлопает, и улица оглашается грохотом кареты.

– Коляску шаферам! пода-ай!

Шафера прыгают в коляску и, когда она трогается с места, приподнимаются и, корчась как в судорогах, натягивают на себя свои пальто. Подаются следующие экипажи.

– Софья Денисовна, садитесь! – слышатся голоса. – Пожалуйста и вы, Николай Мироныч! Тпрррр! Не беспокойтесь, барышня, всем будет место! Берегись!

– Слышишь, Макар! – кричит отец невесты. – Назад из церкви поезжайте другой дорогой! Примета есть!

Экипажи гремят по мостовой, шум, крики... Наконец все уехали, стало опять тихо. Отец невесты возвращается в дом; в зале лакеи убирают стол, в соседней темной комнатке, которую все в доме называют «проходной», сморкаются музыканты, всюду суета, беготня, но ему кажется, что в доме пусто. Солдаты-музыканты копошатся в своей маленькой, темной комнатке, всё никакие могут поместиться со своими громоздкими пюпитрами и инструментами. Пришли они недавно, но уже воздух в «проходной» стал заметно гуще, нет никакой возможности дышать. Их «старшой» Осипов, у которого от старости усы и бакены сбились в паклю, стоит перед пюпитром и сердито глядит в ноты.

– А тебе, Осипов, сносу нет, – говорит подполковник. – Сколько лет я тебя уже знаю? Лет двадцать!

– Больше, ваше высокоблагородие. На вашей свадьбе играл, ежели изволите помнить.

– Да, да... – вздыхает подполковник и задумывается. – Такая, брат, история... Сыновей, слава богу, поженил, теперь вот дочку выдаю, и остаемся мы со старухой сироты... Нету у нас теперь деток. Начистоту разделались.

– Кто знает? Может, Ефим Петрович, вам бог еще пошлет, ваше высокоблагородие...

Ефим Петрович с удивлением глядит на Осипова и смеется в кулак.

– Еще? – спрашивает он. – Как ты сказал? Детей еще бог пошлет? Мне-то?

Он давится от смеха, и слезы у него выступают на глазах; музыканты из вежливости тоже смеются. Ефим Петрович ищет глазами старуху, чтобы сообщить ей, что сказал Осипов, но она сама уже летит прямо на него, стремительно, сердитая, с заплаканными глазами.

– Бога ты не боишься, Ефим Петрович! – говорит она, всплескивая руками. – Мы ищем, ищем ром, с ног сбились, а ты тут стоишь! Где ром? Николай Мироныч не может без рома, а тебе горюшка мало! Поди, узнай у Игната, куда он ром поставил!

Ефим Петрович идет в подвальный этаж, где помещается кухня. По грязной лестнице снуют бабы и лакеи. Молодой солдат, накинув мундир на одно плечо, уперся коленом о ступень и вертит мороженицу; пот течет с его красного лица. В темной и тесной кухне, в облаках дыма, работают повара, взятые напрокат из клуба. Один потрошит каплуна, другой делает из морковки звездочки, третий, красный как кумач, сует в печь противень. Ножи стучат, посуда звенит, масло шипит. Попав в этот ад, Ефим Петрович забывает, о чем говорила ему старуха.

– А вам здесь, братцы, не тесно? – спрашивает он.

– Ничего-с, Ефим Петрович. В тесноте да не в обиде, будьте покойны-с...

– Уж вы постарайтесь, ребята. В темном углу вырастает фигура Игната, буфетчика из клуба.

– Будьте покойны-с, Ефим Петрович! – говорит он. – Всё предоставим в лучшем виде. С чем прикажете делать мороженое: с ромом, с го-сотерном или без ничего?

Свадьба. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru

Вернувшись в комнаты, Ефим Петрович долго слоняется по комнатам, потом останавливается в дверях «проходной» и опять заводит разговор с Осиновым.

– Так-то, брат... – говорит он. – Сиротами остаемся. Покуда новый дом не высохнет, молодые с нами поживут, а там прощайте! Только мы их и видели...

Оба вздыхают... Музыканты из вежливости тоже вздыхают, отчего воздух становится еще гуще.

– Да, брат, – вяло продолжает Ефим Петрович, – была одна дочка, да и ту отдаем. Человек он образованный, говорит по-французски... Только вот попивает, но кто нынче не пьет? Все пьют.

– Это ничего, что пьет, – говорит Осипов. – Главное достоинство, Ефим Петрович, чтобы дело свое помнил. А ежели, положим, выпить, то почему не выпить? Выпить можно.

– Конечно, можно.

Слышится всхлипывание.

– Разве он может чувствовать? – жалуется Дарья Даниловна какой-то старухе. – Ведь мы ему, мать моя, отсчитали десять тысяч копеечка в копеечку, дом на Любочку записали, десятин триста земли... легко ли сказать! А нешто он может чувствовать? Не таковские они нынче, чтобы чувствовать!

Стол с фруктами уже готов. Бокалы тесно стоят на двух подносах, бутылки с шампанским завернуты в салфетки, в столовой шипят самовары. Лакей без усов, с бакенами записывает на бумажке имена лиц, здоровье которых он будет провозглашать за ужином, и читает их, точно учит наизусть. Из комнат выгоняют чужую собаку. Напряженное ожидание... Но вот раздаются тревожные голоса:

– Едут! Едут! Батюшка Ефим Петрович, едут!

Старуха, обомлевшая, с выражением крайней растерянности, хватая хлеб-соль, Ефим Петрович надувает щеки, и оба вместе спешат в переднюю. Музыканты сдержанно, торопливо настраивают инструменты, с улицы доносится шум экипажей. Опять вошла со двора собака, ее гонят, она взвизгивает... Еще одна минута ожидания – и в «проходной», резко, остервенело рванув, раздается оглушительный, дикий, неистовый марш. Воздух оглашается восклицаниями, поцелуями, хлопают пробки, у лакеев лица строгие...

Любочка и ее супруг, солидный господин в золотых очках, ошеломлены. Оглушительная музыка, яркий свет, всеобщее внимание, масса незнакомых лиц угнетают их... Они тупо глядят по сторонам, ничего не видят, ничего не понимают.

Пьют шампанское и чай, всё идет чинно и степенно. Многочисленные родственники, какие-то необыкновенные дедушки и бабушки, которых раньше никто никогда не видел, духовенство, отставные военные с плоскими затылками, посаженные отец и мать жениха, крестные, стоят около стола и, осторожно прихлебывая чай, беседуют о Болгарии; барышни, как мухи, жмутся у стен; даже шафера утратили свой беспокойный вид и стоят смирно у дверей.

Но проходит час-другой и весь дом дрожит уже от музыки и танцев. У шаферов опять такой вид, точно они с цепи сорвались. В столовой, где покоем накрыт закусочный стол, толпятся старики и нетанцующая молодежь; Ефим Петрович, выпивший уже рюмок пять, подмигивает, щелкает пальцами и давится от смеха. Ему пришло на мысль, что хорошо бы женить шаферов, и это ему нравится, кажется остроумным, забавным, и он рад, так рад, что не может выразить на словах, а только хохочет... Его жена, не евшая ничего с утра и опьяневшая от шампанского, блаженно улыбается и говорит всем:

– Нельзя, нельзя, господа, в спальню ходить! Это не деликатно в спальню ходить. Не заглядывайте!

Это значит: пожалуйста поглядеть спальню! Все ее материнское тщеславней все таланты ушли в эту спальню. И есть чем похвастать! Посреди спальни стоят две кровати с высокими постелями; наволочки кружевные, одеяла шелковые, стеганные, с

Свадьба. Антон Павлович Чехов chekhovanton.ru
мудренными, непонятными вензелями. На постели Любочки лежит чепчик с розовыми лентами, а на постели ее мужа шлафрок мышиного цвета с голубыми кистями. Каждый из гостей, взглянув на постели, считает своим долгом значительно подмигнуть глазом и сказать «м-да-а», а старуха сияет и говорит шёпотом:

– Спальня-то рублей триста стоила, батюшка. Шутка ли! Ну, уходите, мужчинам не годится сюда ходить.

В третьем часу подают ужин. Лакей с бакенами провозглашает тосты, а музыка играет туш. Ефим Петрович напивается окончательно и уже никого не узнает; ему кажется, что он не у себя дома, а в гостях, что его обидели; он в передней надевает пальто и шапку и, отыскивая свои калоши, кричит хриплым голосом:

– Не желаю я тут больше оставаться! Вы все подлецы! Негодяи! Я вас выведу на чистую воду! А возле стоит жена и говорит ему:

– Уймись, безбожная твоя душа! Уймись, истукан, ирод, наказание мое!

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://chekhovanton.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!